
УДК 070+81' 42

ББК 76. 120. 4

Н 50

Немец Г.Н.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры печати и рекламы факультета журналистики Кубанского государственного университета, e-mail: nemets@kubannet.ru

Публицистический дискурс как методологический конструкт (Рецензирована)

Аннотация:

Статья посвящена исследованию проблем публицистического дискурса как методологического конструкта. Рассматривается специфика методологического обоснования публицистического дискурса, определяются понятия «прагматический контекст» и «прагматическая интерпретанта» как доминанты публицистического дискурса.

Ключевые слова:

Публицистика, дискурс, методология, методологический принцип, понимание, интерпретация, прагматический контекст журналистики, прагматическая интерпретанта журналистики.

Nemets G.N.

Candidate of Philology, Assistant Professor of Periodic Press and Advertising Department of Journalism Faculty of the Kuban State University, e-mail: nemets@kubannet.ru

Publicistic discourse as a methodological construct

Abstract:

The paper is devoted to research of a publicistic discourse as a methodological construct. The author considers specificity of a methodological substantiation of a publicistic discourse and defines concepts «a pragmatic context» and «a pragmatic interpretation» as dominants of a publicistic discourse.

Keywords:

Publicism, discourse, methodology, methodological principle, understanding, interpretation, a pragmatic context of journalism, a pragmatic interpretation of journalism.

Публицистика – это «открытая авторская речь, обращенная к читателю и до предела насыщенная социальной информацией» [1: 58]. Это подразумевает, что автор публицистики «обязательно касается социальных вопросов или рассматривает частные проблемы, но непременно с социальных позиций» [2: 76]. По мнению Г.Я. Солганика, это понятие может быть

сведено к «пучку отношений», в котором главными, определяющими выступают «отношение к действительности и тесно связанное с ним отношение к тексту» [2: 76]. Творческая индивидуальность публициста способна проявляться и в «особой манере письма», и в «методах подачи информации», и в «тематических ориентациях», и в «особенностях авторского

мировосприятия», а также в выбираемой роли. В одном случае перед нами предстает «образ размышляющего автора», а в другом – «лирического героя» [3: 220].

Солганик Г.Я. выделяет две грани автора публицистического текста – «человек социальный» и «человек частный». В первом случае в работе с источниками информации используется социальный анализ фактов, такому автору свойственно в плане мироощущения объективно-субъективное отношение к действительности. В плане мышления преобладают апологетический и критический типы. Перед нами возникает три типа публициста – «пропагандист», «полемист» и «иронист». Во втором случае факты представлены с позиций индивидуального анализа, автор стремится к субъективности изложения. В качестве методов работы с информацией предстают собственно информирование и анализ. Такая картина мира свойственна «репортерам», «летописцам», «художникам», «аналитикам» и «исследователям» [2: 81]. Позиция автора – это прежде всего социально-оценочное отношение «к фактам, явлениям, событиям» [1: 8]. Публицист, придерживаясь определенной позиции по тому или иному вопросу, всегда стремится к ее обоснованию. Публицистическая открытость в том и заключается, что публицист «смело делится с читателями своими рассуждениями без всякой сложной опосредованности» [3: 217].

Категория «Другого» в социогуманитарных науках имеет свое выражение: обычно это так называемые «чужая» речь и «чужие» тексты. Отношение «Я – Другой» на речевом уровне выглядит как интерсубъектность (межсубъектное онтологическое пространство), а на текстовом – интертекстуальность (межтекстовое онтологическое пространство). Таким образом, категорию «Я – Другой» можно представить в виде логической цепи: 1) прекон-структивный смысл рождает высказывание, которое интерсубъектно по своей природе 2) интерсубъектное высказы-

вание, в свою очередь, способно отсылать к «чужим» текстам, тогда как исследуемое текстовое образование есть не что иное, как «текст в тексте», или, «интертекст». В русском языке существует несколько способов выражения «чужой» речи: прямая и косвенная речь, диалог, внутренняя монологическая речь героя (которая, по М.М. Бахтину, диалогична) и т.п. Показателями же «чужой» речи являются частицы *де*, *декать*, *мол*, отсылающие к речи «других» людей – неучастников диалога, – которая присутствует в сознании коммуникантов. Особенностью их употребления является позиционная подвижность. Анализируя межсубъектные связи, можно обнаружить несколько типов отношений как в структуре «Я», так и в структуре «Другого». Безусловно, «лежащими на поверхности» можно назвать отношения в сфере «Эго»: «я – для – себя» как самоидентификация, «ты – для – меня» как идентификация адресата, «другой – для – меня», «бытие – для – меня», «время – для – меня», «действие – для – меня». Отношения в сфере «Другого» рационализируются через сферу «Эго», нося характер производных с точки зрения языка и производящих с точки зрения дискурса, среди которых можно выделить такие, как «я – для – другого», «бытие – для – другого», «время – для другого», а также «действие – для другого». Следует отметить, что в сфере «Другого» умышленно не рассматривается нами субъектное отношение «ты – для – другого» ввиду его слияния с отношением «я – для – другого» (рекомбинации говорящего и адресата в сфере «Другого»).

Проблема взаимодействия сфер Эго и Другого может быть понята и интерпретирована как интерсубъектное семиотическое поле, внутри которого взаимодействуют два дискурса – *дискурс Автора и дискурс Другого*, – которые, можно назвать дискурсом более высокого порядка – *интердискурсом* [4: 54]. Интердискурс эксплицирует неоднородность речи. Говорящий выступает в роли интерпретатора, в

функции своеобразного «рупора». Высказывание наполняется новым смыслом: говорящий стремится выразить свой опыт, оценивая его с позиции другого, который является тем самым прекоконструктом, конституирующим высказывание.

С точки зрения документальной коммуникации, отношения между автором и читателем носят intersubъективный характер и представляют собой «отношения между реально существующими личностями». При этом «публицистическое сотворчество», в отличие от «сотворчества художественного», предполагает «однозначность» и максимальную приближенность читательского восприятия к авторскому замыслу [1: 59]. Читатель в публицистике подобен зеркалу, «в котором отражается автор». Создавая своего читателя, публицист создает заново и свой собственный образ. При этом возникают структуры, полностью не тождественные друг другу, а смена рамок восприятия в публицистическом тексте «стимулирует изменения в содержании, в форме подачи информации, идей и в конечном итоге в когнитивном уровне публицистики» [2: 78-79].

Любая методология как «система принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности» ориентирована прежде всего на пути достижения «истинного и практически эффективного знания» [5: 365-366]. С методологической точки зрения, дискурсивный анализ публицистики представляет собой синтез дискурсивного анализа семантического типа, когнитивной теории дискурса, современных семиотико-теоретических представлений о журналистском (публицистическом) творчестве, а также комплексного представления об индивиде как о совокупности отношений.

Понимание в рамках дискурсивного анализа семантического типа определяется не как «воспроизведение и усвоение существующего смысла», а как процесс

«придания выражению другого смысла». В свою очередь, *интерпретация* ориентирована на «придание смысла выражениям знаковой системы» [6: 171].

Принципы прагматики, предложенные еще Ч.У. Моррисом, были ориентированы на констатацию условий, при которых «знаковое средство является для интерпретаторов знаком» [7: 75]. Иными словами, при расширении задач в рамках прагматического подхода понимание и интерпретация в дискурсе строятся не только с учетом информационных условий восприятия высказывания, но и в контексте «ожидания вероятных целей участников» и «возможных речевых актов», совершенных в данной ситуации [8: 31]. Методологическое поле прагматики выстраивается в контексте триады «знак» - «интерпретанта знака» - «интерпретатор знака», где прагматическое значение формируется как под влиянием «точки интенциональности» субъекта, так и возможной реакции реципиента или группы реципиентов на определенные стимулы.

В.И. Заботкина говорит о понятии «*прагматической интерпретанты*», как о знании, которое несет «информацию об ограничениях на употребление знака в зависимости от основных параметров прагматического контекста» [9: 90]. *Прагматическим контекстом публицистики (журналистики)* можно считать мыслительные способности журналиста (публициста): 1) *легкость генерирования идей* («способность человека к выдвиганию самых разнообразных предложений в решении той или иной творческой задачи»); 2) *способность к переносу* (способность применения полученных навыков при решении творческой задачи); 3) *способность к «сцеплению» понятий* («способность объединять ранее воспринятые факты и впечатления с новыми»); 4) *свертывание* (стремление к более «лаконичному и сжатому изложению материала»); 5) *сближение понятий* («легкость ассоциирования различных понятий») [3: 86].

В связи с этим *прагматическую интерпретацию журналистики (публицистики)* определяем как социальное знание публициста, интерпретируемое в процессе профессиональной деятельности в параметрах его мыслительных способностей. Основой журналистского (публицистического) менталитета можно считать *социоцентризм*, который выражается в ориентации «его носителя на растворение своей личности в некоем «Мы», какой-либо общности, которая выступает по отношению к этому индивиду как высшая власть и высшая сила» [10]. Следовательно, публицистический дискурс – дискурс преимущественно *социоцентрический*.

Дискурс в методологическом понимании представляет собой «совокупность логико-методологических средств, используемых в исследовании в ходе осмысления проблемы и разработки характеристики предмета». В качестве принципов дискурсивной эвристики Е.П. Прохоров выделяет следующие: 1) *принцип объективности* (независимость истины от исследователя); 2) *принцип свободы мышления* (наличие образно-критического мышления у исследователя); 3) *принцип системности* (наличие взаимосвязи структурных частей изучаемого явления и его среды); 4) *принцип причинности* (принцип детерминизма изменений); 5) *принцип развития* (публицистика как цепь качественно-количественных трансформаций); 6) *принцип относительности* (бесконечности научного познания); 7) *принцип соответствия* (необходимость соотнесения фактов, идей и концепций с полученным знанием); 8) *принцип дополненности* (необходимость различения противоречий формально-логических и органических); 9) *принцип конкретности истины* (понимание неразрывной целостности знания, его гармоничности); 10) *принцип активности* (наличие креативно-методологических установок у исследователя) [11: 61-64]. Дискурсивная эвристика как методологическая позиция в жур-

налистике (публицистике) позволяет сочетать как принцип рационализма, так и принцип релятивизма. Первый как методологический принцип признает «разум основой познания и поведения людей» [12: 569], а второй ориентирован на «относительность и условность содержания познания», «отказ от признания преемственности в развитии знания», а также на «преувеличение зависимости процесса познания от его условий» [13: 578]. По нашему мнению, сочетание данных методологических принципов способно адекватно выявлять как новые теоретические, так и новые практические знания в публицистике (журналистике). Кроме того, можно даже говорить о философии и социологии журналистики как науки и практики, ориентированной на получение, сбор и обработку информации, содержащей социальные знания о человеке, культуре и обществе.

Механизм понимания/интерпретации нового знания в дискурсивных публицистических практиках может восприниматься как «процесс формирования теоретических моделей и законов», представляющий собой следующий алгоритм: 1) построение теоретической модели; 2) адаптация теоретической модели к процессу проведения эксперимента, выдвижение гипотезы; 3) применение гипотетической модели к «качественному многообразию вещей» [14: 127-128]. Дискурсивные публицистические практики как объект интерпретации, в свою очередь, отражают «изучение различных проблемных ситуаций, социальных противоречий, поиск ответов на решение социально-политических, экономических, нравственных и иных вопросов, на анализ и прогнозирование социальных последствий» [3: 42]. Г.И. Богин выделяет три типа понимания: 1) семантизирующее понимание («декодирование единиц текста, выступающих в знаковой функции»); 2) когнитивное внимание («понимание, возникающее при преодолении трудностей в освоении содержания»); 3) распредмечивающее понима-

ние («понимание, необходимое при действовании с идеальными реальностями»). При этом понимание текста как филологическая проблема определяется как «обращение опыта человека на текст с целью освоения его содержательности» [15]. Н.А. Шехтман говорит о том, что «моделируя процесс понимания, мы стремимся к постижению некоей целостности явления» [16: 16]. Э. Гуссерль, изучая рефлексии переживания с позиций их целостности писал, что «полная ясность есть мера всякой истины», при этом на основе как «конкретно осуществленного опыта», так и «многообразной системы правил» невозможно установить «дальнейшее протекание опыта» [17: 167;309]. В связи с этим К.-О. Апель утверждал, что науке необходима рациональная аргументация, ориентированная на «значимость универсальных этических норм» [18: 299]. Этические нормы в публицистическом дискурсе регулируются понятием *журналистской морали* как «формы общественного сознания» и как «субъективное состояние личности» [19: 279]. Основой такого понимания является дискурсивная этика, ориентированная на то, что «люди ответственны перед друг другом, а потому с моральной точки зрения должны добиваться взаимного согласия» [20: 315]. Полагаем, что взаимная социальная ответственность институтов способна во многом определять эффективность работы всей медиасистемы.

Таким образом, публицистический дискурс представляет собой методологический конструкт, обладающий следующими особенностями:

Эта система методологических операций, направленных на сбор, обработку и распространение социальных знаний в обществе, представляет собой дискурс социоцентрического типа, в котором субъектность колеблется от человека «социального» к человеку «частному». Интерсубъектный характер познания в публицисти-

ческом дискурсе определяет сочетание методологических принципов рациональности (поиск истины и истинности в журналистике (публицистике)) и релятивизма (зависимость процесса творческого познания действительности от характера социальных условий).

Прагматический контекст публицистического дискурса обращен к личности самого публициста и состоит из его мыслительных способностей. Составляющими прагматического контекста публицистики являются «социальная реальность», «социальное знание» и «субъект» как личность и функция. Процесс конструирования социальной реальности в публицистическом дискурсе носит герменевтический характер. *Герменевтический круг публицистики* выстраивается по следующим контурам: 1) субъект, обладающий целостным социальным знанием, способен конструировать свою социальную реальность; 2) невозможно целостное понимание социальных явлений и процессов без понимания отдельных социальных знаний, и наоборот; 3) тип восприятия социальной реальности характеризует уровень освоения социального знания индивидом (семантический, когнитивный, распремечивающий).

Понимание и интерпретация публицистического дискурса строятся на основе принципов дискурсивной эвристики. Основанием публицистической деятельности можно считать постулат Э. Гуссерля о полной ясности как меры всех вещей. Реализация данного принципа возможна только лишь в информационном обществе открытого типа.

Аргументация рационального познания в журналистике (публицистике) регулируется принципами дискурсивной этики. Сама инструментальная функция дискурса заключается в формировании взаимного согласия между социальными институтами.

Примечания:

1. Кайда Л.Г. Позиция автора в публицистике. Стилистическая концепция // Язык современной публицистики: сб. ст. / сост. Г.Я. Солганик. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2008.
2. Солганик Г.Я. Автор как стилеобразующая категория публицистического текста // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2001. № 3.
3. Ким М.Н. Журналистика: методология профессионального творчества. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2004. 496 с.
4. Отье-Ревю Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме *другого* в дискурсе // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999.
5. Спиркин А.Г., Юдин Э.Г., Ярошевский М.Г. Методология // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
6. Рузавин Г.И. Методология научного познания. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 287 с.
7. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика: антология. М.; Екатеринбург: Академический проект: Деловая книга, 2001.
8. Дейк Т.А. ван. Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов // Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: Изд-во БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.
9. Заботкина В.И. Типы прагматических знаний // Когнитивные исследования языка. Вып. III. Типы знаний и проблема их классификации: сб. науч. тр. М.; Тамбов, 2008.
10. Дзялошинский И. Российский журналист в посттоталитарную эпоху. Некоторые особенности личности. URL: <http://www.inguk.ru/p-bib-russ-jorn.html> [12 апреля 2010].
11. Прохоров Е.П. Исследуя журналистику. М.: РИП-Холдинг, 2005. 202 с.
12. Грязнов Б.С. Рационализм // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
13. Релятивизм // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
14. Цвык И.В. Механизм порождения нового знания // История и философия науки: учеб. пособие. М.: Альфа-М: Инфра-М, 2010.
15. Богин Г.И. Обретение способности понимать: введение в герменевтику. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/bogin_obretenie/22.aspx [12 апреля 2010].
16. Шехтман Н.А. Понимание речевого произведения и гипертекст: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2009. 159 с.
17. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 336 с.
18. Апель К.-О. Априори коммуникативного общества // Апель К.-О. Трансформация философии. М.: Логос, 2001.
19. Ворошилов В.В. Журналистика: учебник. М.: КНОРУС, 2009. 496 с.
20. Канке В.А. Этика ответственности // Канке В.А. Философия науки: краткий энциклопедический словарь. М.: Омега-Л, 2009. 328 с.